

УДК 930(470+571)''199/200'':94(47+57)''1932/1933''

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУБЕЖА XX – XXI вв. О ГОЛОДЕ 1932 – 1933 гг. В СССР
М. В. Казьмина

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE TURN OF 20TH – 21ST CENTURIES
 ABOUT THE 1932 – 1933 FAMINE IN THE USSR
M. V. Kazmina

В статье анализируются основные точки зрения, высказанные в отечественной историографии о причинах, масштабах и последствиях голода 1932 – 1933 гг.

The paper analyzes the main points of view expressed in the Russian historiography about the causes, prevalence and consequences of the famine in 1932 – 1933.

Ключевые слова: историография, коллективизация, голод, СССР.

Keywords: historiography, collectivization, famine, USSR.

До второй половины 1980-х гг. коллективизация сельского хозяйства в СССР оценивалась как выдающееся достижение, открывшее путь к зажиточной жизни советскому крестьянству, а потери от коллективизации воспринимались как следствие «перегибов», «искривлений партийной линии». Изменения в историографии данной проблемы связаны с рядом обстоятельств: политикой перестройки и гласности (ученые получили возможность излагать свои взгляды открыто); расширением документальной базы, что позволило ввести в научный оборот ранее недоступные источники; публикацией на рубеже 1980 – 1990-х гг. переведенных на русский язык работ зарубежных историков (в частности, Р. Конквеста), которые стимулировали обсуждение наиболее болезненных вопросов, связанных с коллективизацией. Важную роль сыграл и переход от методологического монизма к плюралистическому видению исторического процесса.

На качественно новый уровень изучение крестьянского вопроса выходит в связи с созданием в начале 1990-х гг. под руководством В. П. Данилова Центра крестьяноведения и аграрных реформ при Московской высшей школе социальных и экономических наук. Под эгидой Центра в сотрудничестве с Институтом российской истории РАН осуществляются крупные международные проекты. В 1992 г. В. П. Данилов организовал международный теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития» [31, с. 210 – 211]. Значительный вклад в разработку крестьянской проблематики, в том числе и 1930-х гг., внесли материалы четырех Международных конференций (2007 г., 2009 г., 2011 г., 2013 г.), проходивших на базе Московского государственного областного социально-гуманитарного института по теме «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века».

В ноябре 2010 г. в Институте социологии РАН в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» состоялся Международный круглый стол журнала «Власть» по теме «Крестьянство и власть в истории России XX века». В апреле 2011 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАН-ХиГС) состоялось первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» Центра аграрных исследований

РАН-ХиГС и научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». 4 октября 2013 г. в Коломне работал II Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» в рамках IV Международной конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века» и теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Таким образом, наблюдается тенденция к сохранению и развитию традиций, заложенных центром крестьяноведения и аграрных реформ.

С конца 1980-х гг. начинается публикация ранее неизвестных источников. В числе первых был издан (1989 г.) сборник «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне коллективизации. 1927 – 1932 гг.». В 1990-е и последующие годы эта работа была продолжена как на общероссийском, так и на региональном уровне. В сентябре 1994 г. под руководством В. П. Данилова на основе договора, заключенного между ИРИ РАН, Бостон-колледжем (США, профессор Р. Манинг) и университетом в Торонто (Канада, профессор Л. Виола), а также Росархивом осуществляется издание «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы». В результате реализации российско-французского проекта был выпущен сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» [31, с. 210 – 211]. Ценность такого рода фундаментальных изданий состояла, прежде всего, в том, что они вводили в научный оборот новые материалы, в том числе «особых папок» как местных республиканских и краевых органов, так и частично общесоюзных.

На региональном уровне можно отметить многоотомник «Спецпереселенцы в Западной Сибири», который был подготовлен группой ученых в составе С. А. Красильникова, В. Л. Кузнецовой, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павловой, Л. С. Пашенко, Р. К. Сухановой. В сборнике приводятся не публиковавшиеся ранее документы из рассекреченных фондов государственного архива Российской Федерации и государственного архива Новосибирской области, раскрывающие депортацию крестьянства, ее результаты и последствия [34, с. 13, 15]. Региональные публикаторы большое внимание уделили изданию документов, с помощью которых стала возможна реконструкция процессов коллективизации на местах [19; 29; 33; 35]. Выходят воспомина-

ния о коллективизации и голоде 1932 – 1933 гг. [6; 7; 27; 38]. Они рисуют трагизм сложившейся ситуации. В целом же произошли качественные изменения в документальной базе.

Среди первых публикаций, в которых историки обратились к ранее не исследовавшимся проблемам в жизни крестьянства конца 1920-х – 1930-х гг., можно выделить статьи В. П. Данилова, М. А. Выцлана, И. Е. Зеленина. О голоде 1932 – 1933 гг. писали С. В. Кульчицкий, Е. Н. Осколков, В. В. Кондрашин, Н. А. Ивницкий [3, с. 14 – 17; 9, с. 28 – 38; 12, с. 3 – 19; 13, с. 3 – 62; 18; 23; 30]. В работах рубежа XX – XXI вв. насилие и произвол со стороны властей выделяются как доминирующие качества коллективизации. Проблема голода были посвящены конференции в Киеве, Донецке, Москве, Екатеринбурге [5; 20]. Признается искусственный характер его возникновения [2, с. 43; 10, с. 104, 105; 14; 15, 47, 54; 16, с. 43], хотя у С. Кара-Мурзы говорится о засухе 1933 г. как стихийном бедствии [21, с. 484]. В свою очередь, Т. Д. Надькин отмечал, что ухудшение состояния сельского хозяйства Мордовии в 1932 г. также было связано с засухой [26, с. 143].

Н. А. Ивницкий убедительно доказал, что руководство страны проводило жесткий курс на изъятие хлеба у крестьянства. Валовые сборы зерна, отметил ученый, в 1931 – 1932 гг. снизились по сравнению с предыдущими годами, а доля хлебозаготовок возросла. Так, если в 1928 г. она составляла 14,7 % валового сбора, в 1929 г. – 22,4 %, в 1930 г. – 26,5 %, то в 1931 г. – 32,9 %, а в 1932 г. – 36,9 %. В этом же ключе рассуждали В. П. Данилов и И. Е. Зеленин, которые увидели цепь взаимосвязанных и взаимозависимых акций (вполне и не вполне осознанных) по организации «великого голода»: закон от 7 августа 1932 г.; выступление И. В. Сталина на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦК ВКП(б) 27 ноября 1932 г.; директиву от 22 января 1933 г. [10, с. 108]. Историки пришли к выводу, что государство лишь в незначительной степени помогло голодающему крестьянству. Они полагали, что отказ от экспорта хлеба и реализация неприкосновенных запасов могли бы в совокупности улучшить положение в основных голодающих регионах 25 – 30 млн человек [10, с. 108].

На сегодняшний день все исследователи отмечают, что голод поразил главным образом важнейшие зерновые районы страны: Северный Кавказ, Украину, Поволжье, Казахстан, серьезные испытания выпали на долю населения Южного и Среднего Урала, Центрального Черноземья и Западной Сибири [22].

Общепризнанным является факт многомиллионных потерь от голода 1932 – 1933 гг. В западной литературе широкую известность получили работы Р. Конквеста, ставшие доступными российским исследователям на рубеже 1980 – 1990-х гг. Американский историк приравнял общее число крестьян, погибших в результате раскулачивания и террора голодом, к 14,5 млн человек [24, с. 85]. Из них 6,5 млн погибли в связи с раскулачиванием, 1 млн в казахской катастрофе, 7 млн от голода (на Украине – 5 млн, на Северном Кавказе – 1 млн, в других местах – 1 млн) [24, с. 89].

Близкой оценки придерживался А. Грациози. В начале 1930-х гг. по его утверждениям в ходе высылки и репрессий погиб 1 млн человек, в результате голода 1932 – 1933 гг. – 7 – 10 млн [8, с. 6]. М. Малиа, исходя из посыла, что самый ценный капитал – это люди, заметил: «...от 6 до 11 млн жертв коллективизации – свидетельство непомерного разбазаривания национальных ресурсов».

У исследователей, работающих на постсоветском пространстве, конкретная статистика о числе жертв голода также различается. С. В. Кульчицкий число умерших от голода 1933 г. на Украине оценивает в 3 – 3,5 млн человек [25, с. 52]. В сборнике РГГУ говорится, что голод 1932 – 1933 гг. привел к сокращению населения Украины более чем на 3 млн человек, притом что население соседней увеличилось: в России – на 28 %, в Белоруссии – на 11,2 % [4, с. 7]. А. Л. Перковский оценивает потери не менее чем в 5 млн человек [32, с. 53], а С. Кара-Мурза – в 640 тыс. человек [21, с. 479].

Н. А. Ивницкий в 1994 г. утверждал: «Население СССР... с осени 1932 г. до апреля 1933 г. сократилось на 7,7 млн человек, главным образом за счет сельского. Непосредственно от голода на Украине, по подсчетам ученых, умерло примерно 4 млн человек; в Казахстане – более миллиона человек, столько же на Северном Кавказе, в Поволжье и других районах» [16, с. 8, 43; 17, с. 207].

В монографии В. Б. Жиромской, И. Н. Киселева, Ю. А. Полякова были приведены данные М. В. Курмана (в 1937 г. он входил в состав бюро переписи) о том, что большая часть смертей падает на 1933 г., из них 4,1 млн человек умерли в основном от голода и других бедствий [11, с. 43].

В 2000 г. Н. А. Араловец и И. С. Зеленин тщательно проанализировали выводы исследователей о масштабах потерь от голода 1932 – 1933 гг. Они привели уточненные людские потери: Украина – 3,5 млн человек (подсчеты С. В. Кульчицкого) или 7,1 млн человек (подсчеты П. К. Василевского); Казахстан – 1,3 млн человек; Поволжье – 0,4 млн человек. Суммировав приведенные цифры, они получили численность людских потерь от голода – 5,2 – 8,8 млн человек. Прибавив к этим данным сведения Р. Конквеста о людских потерях на Северном Кавказе (1 млн человек), а также в остальных районах (1 млн человек), Н. А. Араловец и И. С. Зеленин получили число жертв – 7,2 – 10,8 млн человек [28, с. 275, 276].

В 2004 г. В. П. Данилов и И. Е. Зеленин, суммировав приводимые исследователями данные о жертвах голода по регионам, пришли к выводу, что по стране они составили от 7 до 8 млн человек [10, с. 109]. Они принимают оценку российского демографа Б. Ц. Урланиса, который утверждал, что население СССР с осени 1932 г. до апреля 1933 г. сократилось с 165,7 млн человек до 158 млн [10, с. 109; 28, с. 270 – 276]. Расчет показывает, что сокращение составило 7,7 млн человек. Думается, что стоит не забывать и о естественной убыли населения, которая, судя по всему, входит в данный показатель. Логично учесть замечание Р. Белоусова о том, что смертность до 1932 г. не превышала 4,8 млн человек [1, с. 329]. В. Ф. Зима подсчитал, что в России в 1932 – 1933 гг. голодало около 50 % населения. Потери от голода составили примерно

3 млн человек [15, с. 54]. В. М. Молотов, участвовавший в хлебозаготовках начала 1930-х гг., признавал наличие голода в 1933 г., но при этом считал не доказанным факт потерь в 12 млн человек [37, с. 378, 379].

Таким образом, изменения, произошедшие в исторической науке на рубеже XX – XXI вв. позволили выйти на новый уровень осмысления крестьянского вопроса в истории России, в том числе 1930-х гг. Создание исследовательских центров, организация теоретических семинаров, проведение научных конференций, публикация и введение в научный оборот новых

документов способствовали поиску ответов на наиболее острые вопросы. Был сделан существенный прорыв в изучении проблемы голода 1932 – 1933 гг. Большинство ученых пришло к выводу об искусственном характере его возникновения. В ходе дискуссии определился ряд регионов (Северный Кавказ, Украина, Поволжье, Казахстан), где последствия от голода были особенно тяжелыми. При наличии определенных расхождений в оценке числа жертв политики коллективизации произошло сближение оценок числа погибших от голода.

Литература

1. Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Книга 3. Тяжелые годы роста и обновления. М., 2002.
2. Выщлан М. А. Репрессии против крестьян. 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий. М., 1999.
3. Выщлан М. А., Данилов В. П., Ивницкий Н. А. Оглянуться в раздумье // Сельская новь. 1987. № 12.
4. Голод 1932 – 1933 годов: сб. статей / Общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1995.
5. Голодомор 1932 – 1933 гг. на Украине. Причины и последствия. Материалы конференции. Киев, 1995.
6. Голоса крестьян. Сельская Россия в крестьянских мемуарах. М., 1996.
7. Голоса народа. Письма и отклики рядовых советских граждан на события 1918 – 1932 гг. М., 1998.
8. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917 – 1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.
9. Данилов В. П. Феномен первых пятилеток // Горизонт. 1988. № 5.
10. Данилов В. П., Зеленин И. Е. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5.
11. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
12. Зеленин И. В. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2.
13. Зеленин И. В. Коллективизация: истоки, сущность, последствия // История СССР. 1989. № 3.
14. Зеленин И. Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Отечественная история. 1998. № 1.
15. Зима В. Ф. Голод 1932 – 1933 годов в письмах трудящихся России // Отечественная история. 2006. № 2.
16. Ивницкий Н. А. Голод 1932 – 1933 годов: кто виноват? // Голод 1932 – 1933 годов: сб. статей / общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1995.
17. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.
18. Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988.
19. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930 – 1931 гг. Петрозаводск, 1991.
20. Историческая демография: новые подходы, методы, источники: тезисы VIII Всероссийской конференции по истории демографии. Екатеринбург, 13 – 14 мая 1992 г. М., 1992.
21. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
22. Каунова Н. Е. Голод в начале 1930-х годов в Средне-Волжском крае: автореф. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. 20 с.
23. Кондрашин В. В. Голод 1932/1933 г. в деревне Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6.
24. Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4.
25. Кульчицкий С. В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Тез. докл. и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14 – 16 мая 1991 г. Ч. 1. М., 1991.
26. Надькин Т. Д. Крестьянство и власть в Мордовии в голодные 1932 – 1933 годы // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 143.
27. Нарымская хроника. 1930 – 1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания / сост. В. Н. Макшеев. М., 1997.
28. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 1: 1900 – 1939 / отв. ред. В. Б. Жиромская; РАН Институт российской истории. М.: РОССПЭН, 2000.
29. Неизвестный Кузбасс. Вып. 3. Крестьянство Кузбасса (1925 – 1941) // Сборник архивных документов. Кемерово, 2005. 250 с.
30. Осолков Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991.
31. Отечественная история. 2004. № 6.
32. Перковский А. Л. Потери населения Украины в 30-х гг // Укр. ист. Вестник. 1989. № 5.
33. Рязанская деревня в 1929 – 1930 гг. Хроника головокружения: документы и материалы. М., 1998. 703 с.

34. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пащенко, Р. К. Суханова. Новосибирск, 1992; То же: весна 1931 – начало 1933 гг. Новосибирск, 1993. 341 с.; То же: 1933 – 1938. Новосибирск, 1994. 310 с.
35. Спецпоселки в Коми области: По материалам сплошного обследования. Июнь 1933 // сб. док. / сост.: Г. Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 1997.
36. Урланис Б. П. Проблемы динамики сельского населения. М., 1974.
37. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
38. 33-й: голод. Народная книга-мемориал. Киев, 1993.

Информация об авторе:

Казмина Маргарита Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, Rita-KMV@yandex.ru.

Margarita V. Kazmina – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.